ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2025. Том 18. Выпуск 4 | 2025. Volume 18. Issue 4
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Взаимоотношения федерального Центра и Чеченской Республики в конце 1992 года в оценках центральных средств массовой информации Российской Федерации

Тумаков Д. В.

Аннотация. Цель исследования – получение информации о восприятии центральными средствами массовой информации Российской Федерации непризнанной Чеченской Республики и её взаимоотношений с федеральным Центром в конце 1992 года. В статье были проанализированы наиболее типичные публикации в столичных масс-медиа, придерживавшихся различных политических взглядов (проправительственные, демократические, левые и националистические издания). Исследуется исторический контекст противостояния Центра и мятежного региона в начале 1990-х гг., а также приводятся точки зрения российских военных экспертов и политических обозревателей ведущих изданий на перспективы урегулирования данного конфликта. Научная новизна работы заключается в систематизации представлений о динамике чеченского кризиса в данный временной отрезок. В результате выявлено, что если военные выступали за более жёсткий государственный курс по отношению к Чечне, то журналисты считали необходимым поиск консенсуса между Москвой и Грозным. При этом заметной разницы между представителями масс-медиа различных политических лагерей не существовало. В этом и заключается отличие отрезка начала 1990-х гг. от последующих военно-политических событий.

EN

Relations between the federal center and the Chechen Republic in late 1992, as assessed by the central media of the Russian Federation

D. V. Tumakov

Abstract. The purpose of the study is to obtain information about the perception of the unrecognized Chechen Republic and its relations with the federal center by the central media of the Russian Federation in late 1992. The article analyzes the most typical publications in the capital's mass media, which held different political views (pro-government, democratic, left-wing, and nationalist publications). The study explores the historical context of the confrontation between the center and the rebellious region in the early 1990s, as well as the perspectives of Russian military experts and political commentators from leading publications on the prospects for resolving this conflict. The scientific novelty of the work lies in the systematization of ideas about the dynamics of the Chechen crisis during this period. As a result, it was revealed that while the military advocated a more rigid state policy towards Chechnya, journalists believed that a consensus between Moscow and Grozny was necessary. At the same time, there was no noticeable difference between the media representatives of different political camps. This is what distinguishes the early 1990s from subsequent military and political events.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена интересом к трагическим событиям на Северном Кавказе в постсоветский период. Несмотря на значительную стабилизацию обстановки в данном регионе к началу 2020-х гг., вопросы безопасности, религиозного и межнационального согласия здесь по-прежнему остры. В силу этого представляется необходимым проведение тщательного анализа событий новейшей истории данного региона, когда федеральному Центру пришлось вести две тяжёлые военные кампании (1994-1996 гг.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20250250

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

и 1999-2009 гг.) в Чеченской Республике (ЧР) и на Кавказе в целом с целью сохранения единства и территориальной целостности России. При этом более ранний хронологический отрезок нередко выпадает из поля зрения исследователей. Так, кризис вокруг мятежной Чечни осени 1992 года пребывает в тени как предыдущих, так и последующих событий, связанных с развитием данного конфликта. Между тем он вызвал заметный отклик у большей части федеральных СМИ. Анализу наиболее типичных публикаций такого рода и посвящено данное исследование.

Для решения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

– изучить общий контекст событий осени 1992 года на чечено-ингушской административной границе;

– проанализировать наиболее типичные материалы российской периодической печати по чеченской проблематике за ноябрь-декабрь 1992 года;

– оценить их влияние на дальнейший ход чеченского кризиса в целом.

При написании данной статьи активно применялся историко-сравнительный метод, при помощи которого были сопоставлены факты и события недавнего прошлого, выявлены сходства и различия между ними. Сбор, анализ и критика исторических источников и литературы по теме исследования позволили собрать достаточную источниковую базу и систематизировать представления о динамике развития чеченского кризиса в начале 1990-х гг.

Материалом для исследования выступили многочисленные публикации, вышедшие в центральной периодической печати осенью 1992 года. К ним относятся статьи и заметки как в правительственном издании «Российские вести», так и в масс-медиа демократической, центристской и оппозиционной направленности, что позволяет получить более полную и достоверную картину. Уточним, что под определение «центристской печати» подходят те масс-медиа, на страницах которых, с одной стороны, регулярно выходили публикации политиков и экспертов самого разного спектра, начиная от сторонников тогдашней власти и заканчивая её оппонентами («Независимая газета», «Коммерсант»). Редакции таких масс-медиа старались избегать крайностей в оценках различных событий внутренней политики постсоветской России. В отличие от них, газеты «Московские новости», «Известия» или «Мегаполис-Экспресс», а также журнал «Новое время» регулярно выражали поддержку рыночным преобразованиям в России, радикальному реформированию её политической и общественной жизни, негативно оценивали советский период, поэтому их можно отнести к демократической прессе.

В свою очередь, к российской оппозиции начала 1990-х гг. автор относит различные организации консервативного, националистического или левого толка. Общими местом для них стали активная критика экономического и внутриполитического курса президента России Б. Н. Ельцина за значительное падение уровня жизни большей части населения страны и решительный разрыв с советским наследием, а также оппонирование попыткам сближения России с Западом во внешней политике. Между данными политическими силами уже в 1992 году существовали попытки объединения (Кищенков, Тумаков, 2024, с. 576). Наиболее заметными представителями центральных СМИ тех лет, придерживавшихся прокоммунистических взглядов, следует считать «Правду» и «Советскую Россию», к консервативным изданиям относилась «Литературная Россия», в то время как позицию националистов выражала газета «Русский вестник».

Были также использованы источники личного происхождения, в частности, публицистика (Боков, Чабиев, 1993), дневники (Черкизов, 1996) и воспоминания непосредственных очевидцев событий (Куликов, 2002) из числа журналистов и военачальников.

Теоретическую базу исследования составляют труды отечественных и зарубежных учёных, посвящённые анализу различных аспектов военно-политического кризиса в Чеченской Республике в 1990-е гг. Их можно структурировать следующим образом. Во-первых, исследования, характеризующие военно-политическую обстановку в регионе в историческом контексте 1990-х гг. (Ляховский, 2006; Рунов, 2010; Тризман, 2012; Цыганок, 2012; Плохий, 2016; Тумаков, 2017). Во-вторых, исследования, непосредственно посвящённые внутренней политике и криминогенной обстановке в мятежной Чечне в 1992 году (Тумаков, 2024). В-третьих, работы, затрагивающие взаимодействие чеченских сепаратистов с другими национальными республиками российского Северного Кавказа (Кушхабиев, 2023). Наконец, в-четвёртых, упомянем исследования по партийно-политической системе новой России (Осьмачко, 2003; Кищенков, Тумаков, 2024; Тумаков, 2025).

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что знание и понимание событий недавнего прошлого может способствовать недопущению новой эскалации напряжённости на российском Северном Кавказе. К тому же его материалы могут быть в последующем использованы при подготовке и написании диссертационных работ, научных монографий и статей на схожую проблематику.

Обсуждение и результаты

Как известно, путч Государственного комитета по чрезвычайному положению в Москве 19-21 августа 1991 года не только окончился крахом правления КПСС, но и заметно изменил жизнь регионов страны. Наиболее серьёзные перемены осенью того же года произошли в Чечено-Ингушетии, где к власти, силой свергнув прежнюю партийно-советскую номенклатуру во главе с Д. Г. Завгаевым, пришёл Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН) (Тризман, 2012, с. 255; Цыганок, 2012, с. 176-179), а президентом «Чеченской республики Нохчи-чо» был избран отставной генерал-майор авиации Д. М. Дудаев, провозгласивший её независимость от СССР и РСФСР. Если падение старой власти российский Центр воспринял благосклонно,

то после силового разгона сторонниками ОКЧН Временного высшего совета Чечено-Ингушетии 8 октября их отношения с Москвой резко ухудшились. Ни само существование «Чеченской республики Нохчи-чо», ни результаты выборов её президента и парламента, прошедших 27 октября 1991 года, никогда не были признаны российскими властями (Тризман, 2012, с. 255-256; Цыганок, 2012, с. 180-181; Плохий, 2016, с. 317). Последние попытались силой восстановить законность в Чечено-Ингушетии, но негативная реакция президента СССР М. С. Горбачёва, которому подчинялись силовые структуры страны, а также Верховного Совета РСФСР не позволили президенту Б. Н. Ельцину реализовать эту задачу (Цыганок, 2012, с. 182-191; Плохий, 2016, с. 318-319). Прибывший в Грозный российский спецназ был вынужден вернуться назад, так и не вступив в бой (Тризман, 2012, с. 256; Цыганок, 2012, с. 190-191). Последовавший вскоре коллапс Советского Союза не привёл к изменению политики новых чеченских властей, так как режим генерала-президента Д. М. Дудаева практически беспрепятственно смог завладеть арсеналами силовых структур (Ляховский, 2006, с. 252-269), благодаря чему взял курс на создание в Чечне независимого государства (Тумаков, 2017, с. 85-94). Центр ответил на это экономическими санкциями и военной блокадой границ самопровозглашённой республики. Эти действия оказались в целом малоэффективны (Тумаков, 2024, с. 148-152).

Спустя примерно год после фактического отделения Чечни от России стороны вновь оказались на грани активных военных действий. Воспользовавшись эскалацией осетино-ингушского конфликта (31 октября – 4 ноября 1992 года), федеральные власти ввели войска на территорию Ингушской республики, возникшей в результате раздела бывшей Чечено-Ингушетии и вполне лояльной Центру, однако не имевшей чётко оформленных границ с мятежным соседом. В результате Д. М. Дудаев обвинил Россию в наращивании военного присутствия в Сунженском районе (Музаев, 1992а), на который претендовали обе республики, и объявил в Чечне мобилизацию резервистов и чрезвычайное положение. Как сообщало агентство ИТАР-ТАСС, вдоль границы концентрировались чеченские вооружённые формирования, а из внутренних районов Чечни к местам дислокации федеральных сил на всех видах транспорта подтягивались боевики (В последний час..., 1992). На переговорах в Назрани 13-15 ноября 1992 года представители правительств РФ и Чечни договорились о порядке разъединения сил, а 17 ноября данное соглашение было переведено в практическую плоскость (Ляховский, 2006, с. 241). Войны удалось избежать.

О «противостоянии российских и чеченских войск на чечено-ингушской границе» в те дни на первых полосах писали многие ведущие центральные издания (На грани срыва, 1992; Борзенко, 1992; Музаев, 1992а). В репортажах о противостоянии федеральных сил и чеченских военизированных группировок на границе республики крупнейшие центральные СМИ открыто говорили о близости войны. Примером такого рода может служить репортаж журналистки столичного издания «Мегаполис-Экспресс» О. Уральцевой. По её свидетельству, поздней осенью 1992 года у приграничной станицы Ассиновская передовые позиции обеих сторон, усиленные тяжёлой бронетехникой, разделяли буквально 700 метров (Уральцева, 1992). Никто не желал выступить в качестве инициатора боевых действий. Так, чеченские отряды имели приказ не начинать бой первыми, а командование федеральных сил также отдало военным распоряжение вести огонь на поражение лишь в случае атаки противника.

Дудаевские формирования в репортаже О. Уральцевой представали многонациональными боевыми группами, состоявшими не только из чеченцев или ингушей, но и русских. На передовом рубеже у станицы Ассиновская постоянно дежурили до 10 бойцов, которые называли себя «ополченцами» или «гвардейцами». Это были местные жители, поочерёдно сменявшие друг друга на позициях, их вооружение было представлено не только стрелковым оружием, но и бронетранспортёром. Их настрой, в описании журналистки, выглядел весьма решительно – члены дудаевских вооружённых отрядов спрашивали её, зачем федеральные войска пришли в Чечню, и единогласно требовали их ухода (Уральцева, 1992). Отсутствие алкоголя на постах и боевых позициях сепаратистов, недопуск туда же детей и строгое отношение к журналистам также были призваны продемонстрировать высокую организацию и дисциплину в их рядах (Уральцева, 1992). Тем самым необходимо признать, что чеченские боевики в данной газетной статье представали весьма сильным вероятным военным противником для российских войск.

В свою очередь, представленный в том же репортаже образ бойцов федеральных сил не выглядел столь же грозно, несмотря на наличие у них танков и боевых машин пехоты. Так, командир подразделения из десяти человек, старший лейтенант по имени Алексей, был описан журналисткой О. Уральцевой (1992) как «тонкошеий мальчишка». Весьма примечательно, что российские солдаты и офицеры даже не были знакомы с материалами периодической печати, а потому не владели политической ситуацией в Северо-Кавказском регионе, так как не знали ни о политических переговорах между представителями Центра и властей непризнанной Чеченской республики, ни о достигнутых договорённостях о разводе войск. Их взаимоотношения с местным населением складывались крайне неоднозначно. Поначалу часть жителей чеченского приграничья снабжала российских военных продовольствием и табачными изделиями, в то время как другие угрожали им убийством ближайших родственников. Примечательно, что военнослужащие не испытывали доверия к столичной журналистке, пришедшей на их позиции через обычное поле со стороны мятежной Чечни, что свидетельствовало о крайне напряжённой атмосфере на границе. Тем не менее старейшины станицы Ассиновская, располагавшейся всего лишь в нескольких сотнях метров от линии противостояния, из чувства самосохранения пообещали военным не устраивать провокаций (Уральцева, 1992).

Непростая ситуация складывалась и на других участках границы самопровозглашённой Чеченской республики. Так, в статье специальных корреспондентов консервативно-оппозиционного издания «Литературная

Россия» Г. Пятова и Н. Соловьёва (1992) описывалась повседневная жизнь усиленного поста № 10 внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, дислоцированного на мосту через реку Терек. Гарнизон поста состоял из взвода из 19 военнослужащих и 2 милиционеров из Твери, также он был усилен БТР. Командиром поста был старший лейтенант С. Морозов, сообщивший столичным журналистам, что чеченцы регулярно пытались приобрести у его подчинённых оружие, горюче-смазочные материалы, полевую форму и даже бронетехнику, но одновременно угрожали захватить в заложники и затем обменять на оружие любого российского военного, если тот попробует перейти через Терек на территорию Чечни (Пятов, Соловьёв, 1992). Тем не менее офицер смог установить неформальные контакты с сепаратистами и избежал стычек на вверенном ему участке.

На чеченском посту, располагавшемся на другой стороне того же моста, также находилось не более 20 человек, именовавших себя «гвардейцами» или «ополченцами», во главе них стоял 40-летний бывший совхозный снабженец А. Джураев. По информации авторов статьи, все эти люди являлись уроженцами села Азамат-Юрт Гудермесского района Чечни и заняли позицию на мосту лишь после начала блокады республики со стороны федерального Центра. Они были настроены насторожённо и неохотно шли на контакт с журналистами. Отряд боевиков испытывал явный дефицит вооружения, которое ограничивалось восемью автоматами и пистолетами, предназначавшимися лишь часовым и поэтому переходившими из рук в руки (Пятов, Соловьёв, 1992). Ввиду последнего обстоятельства вполне правдоподобным и логичным выглядело приведённое выше свидетельство российского офицера о попытках чеченцев завладеть оружием военнослужащих.

Материалы ведущих российских масс-медиа того времени на «чеченскую тему» не ограничивались репортажами из приграничья. Нередко СМИ публиковали интервью многочисленных представителей российского истеблишмента, выражавших официальную точку зрения по статусу Чечни. Заметим, что, несмотря на провал как силовой попытки, так и экономической блокады республики, позиция представителей федеральных властей в данном вопросе в этот период оставалась неизменной. Например, председатель подкомитета по разведке Комитета Верховного Совета России по вопросам обороны и безопасности Е. М. Кожокин в конце 1992 года в интервью столичному еженедельнику «Новое время» утверждал, что государство должно найти методы и средства для приостановки на Северном Кавказе «движения к возникновению новых государств» (1992, с. 10). В словах российского депутата содержался очевидный намёк на мятежную дудаевскую Чечню, которая воспринималась им как возможный негативный пример для других национальных республик и, в силу этого, как главный противник федерального Центра на Кавказе. Для недопущения развития сепаратизма в регионе Е. М. Кожокин (1992, с. 11) призывал исполнительную власть РФ приложить максимум усилий для скорейшего урегулирования кровопролитного осетино-ингушского конфликта и стабилизации обстановки в регионе.

Существование в начале 1990-х гг. на Северном Кавказе de facto независимой Чечни вызывало сильную тревогу и у других российских парламентариев. Так, член президиума Верховного Совета России, председатель комиссии по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям Совета национальностей Н. П. Медведев полагал угрозой для страны различные неформальные политические организации наподобие съездов некоторых народов. По его мнению, эти группы постепенно превращались в антироссийские «движения сопротивления», а детонатором указанного процесса являлась дудаевская Чечня. В интервью изданию «Московская правда» Медведев утверждал, что «большую тревогу» у него вызывает осетино-ингушский конфликт в Пригородном районе, а также выражал убеждение в том, что аналогичные события могут произойти не только в ряде национальных республик Северного Кавказа (Адыгея, Кабардино-Балкария), но и в Краснодарском крае и даже в Татарстане (Игнатов, 1992).

Аналогичную точку зрения в разгар боевых действий в Пригородном районе Северной Осетии перед журналистами высказал и высокопоставленный представитель исполнительной власти – вице-премьер Правительства РФ Г. С. Хижа, назвавший мятежную дудаевскую Чечню главной опасностью на Кавказе и источником постоянного нагнетания обстановки (Опасность остаётся, 1992). В этой связи примечательно, что мнение представителей законодательной и исполнительной ветвей власти России, несмотря на видимые разногласия между ними по ряду важных аспектов внутренней политики, касательно ситуации в Чечне в целом совпадало.

Весьма однозначную позицию в чеченском вопросе осенью 1992 года высказывали и некоторые видные представители российского демократического движения, после распада Советского Союза занявшие высокие должности во властных структурах новой России. Например, первый мэр Санкт-Петербурга А. А. Собчак в интервью правительственному изданию «Российские вести» высказал убеждение, что в новой Конституции страны следует закрепить положение о праве каждого народа или республики войти в состав РФ, но одновременно запретить им выход из неё. По его мнению, центральной власти «надо сохранить единство России», поэтому она должна считать любые сепаратистские проявления в национальных регионах или требования пересмотра административных границ между ними «тягчайшими уголовными преступлениями» (Фомичёва, 1992). Аналогичные требования А. А. Собчак и ещё один видный демократический политик тех лет, заместитель председателя Государственного комитета РФ по делам федерации и национальностей В. Н. Лысенко, озвучили на Международной научно-практической конференции «Новое российское зарубежье. Проблемы и перспективы», прошедшей в Санкт-Петербурге 27-29 ноября 1992 года, то есть вскоре после мирного урегулирования кризиса на административной границе Чечни и Ингушетии (Збаровский, 1992).

В условиях выхода федеральных сил на административную границу самопровозглашённой Чеченской республики некоторые обозреватели крупнейших центральных масс-медиа подвергли анализу изменившуюся обстановку в регионе. Весьма примечательна точка зрения известной журналистки, специального корреспондента столичного еженедельника «Новое время» Г. Я. Ковальской (1992). Она полагала, что к осени 1992 года

антидудаевская оппозиция перестала восприниматься чеченским обществом в качестве предателей, на её сторону перешла значительная часть национальной интеллигенции, а периодическая печать политических оппонентов дудаевского режима приобрела популярность у жителей республики. В течение 1992 года властные структуры покинули «министр иностранных дел» самопровозглашённой республики Ш. А. Бено и два его заместителя, также в оппозицию к власти перешли «министр экономики и финансов» Т. Т. Абубакаров и бывший сторонник сепаратистов, известный юрист и политический активист Ш. Гадаев (Ковальская, 1992, с. 8). Об ухудшении положения президента Чечни свидетельствует тот факт, что его действия всё чаще подвергались критике со стороны руководителей законодательной власти республики, а из подчинения официального Грозного вышел Надтеречный район, возглавляемый мэром У. Д. Автурхановым (Ковальская, 1992, с. 8). Следует заметить, что похожей точки зрения на политическую ситуацию в Чечне придерживались и некоторые зарубежные наблюдатели (Тризман, 2012, с. 257).

Чеченские оппозиционеры обвиняли правящий режим в экономических трудностях в республике (рост цен, снижение уровня жизни за счёт несвоевременной выплаты зарплат и пенсий), кризисе в отношениях с Россией и другими государствами, непродуманной национальной политике (отток русскоязычных жителей), а также в росте преступности всех видов. Примечательно, что политические противники Д. М. Дудаева считали главным партнёром Чечни именно Россию, поэтому призывали генерала-президента закончить антироссийскую истерию, принять меры для прекращения оттока русскоязычных жителей во избежание коллапса нефтеперерабатывающей промышленности республики и начать содержательный диалог с Центром (Ковальская, 1992, с. 8). Журналистка явно симпатизировала такой позиции.

При этом Г. Я. Ковальская не идеализировала многочисленных дудаевских оппонентов и не призывала федеральные власти сделать ставку исключительно на них. Первым препятствием для этого являлось отсутствие у чеченских оппозиционеров единой политической платформы. Против правительства сепаратистов выступали как представители бывшей партийно-советской номенклатуры, так и либеральная интеллигенция, поддерживавшая рыночные реформы в экономике и считавшая Д. М. Дудаева «узурпатором власти» (Ковальская, 1992, с. 8). О каком-либо диалоге между этими политическими группами в статье не упоминалось.

Вторым препятствием на пути поддержки Россией чеченской оппозиции автор статьи считала переменчивость общественных настроений в республике. По её мнению, основная сила генерала-президента заключалась в умении объединить свой народ против «общего врага» в лице России. Примерами такого рода Г. Я. Ковальская (1992, с. 9) считала реакцию чеченцев на попытку президента Б. Н. Ельцина ввести в республике чрезвычайное положение в ноябре 1991 г., усмирение беспорядков в Кабардино-Балкарии 24 сентября – 4 октября 1992 г. (имеются в виду бессрочный митинг, организованный Конгрессом кабардинского народа после ареста президента Конфедерации горских народов Кавказа Ю. М. Шанибова и поддержанный представителями Чечни, а также вооружённые столкновения митингующих с силами правопорядка), блокаду Чечни и особенно ввод федеральных войск в Ингушетию сразу после окончания осетино-ингушского конфликта. Как резюмировала корреспондент «Нового времени», все резкие заявления или неосмотрительные действия официальных лиц в Москве могли привести только к усилению позиций чеченского руководства (Ковальская, 1992, с. 9), поэтому Центр должен был действовать более тонко и рационально и, очевидно, сделать ставку на контакты с местными оппозиционерами, но при этом не давать Д. М. Дудаеву повод для конфронтации. Примечательно, что о полноценных переговорах с официальным Грозным в статье речи не было.

Во многом противоположное мнение выражала публикация корреспондента авторитетного столичного издания «Московские новости» В. Емельяненко (1992), вышедшая примерно в то же время. Весьма примечательно, что автор статьи отказывался считать демократическим правивший в Грозном режим сепаратистов. По его мнению, на момент его прихода к власти чеченское общество можно было условно разделить на три части – консервативно настроенных коммунистов во главе с Д. Г. Завгаевым, национал-патриотов, чьим лидером выступал Д. М. Дудаев, а также фрагментированных по различным малым партиям и блокам демократов (Емельяненко, 1992). В. Емельяненко также считал, что основными факторами победы ОКЧН в 1991 году стали опора дудаевцев на вооружённую силу и неудачная попытка российского президента Б. Н. Ельцина ввести в республике чрезвычайное положение, повысившая авторитет Д. М. Дудаева. Более того, столичный журналист выразил уверенность, что и спустя год после установления власти сепаратистов любые силовые действия, экономическая блокада или даже резкие заявления Центра воспринимались чеченским народом как «агрессия империи» и приводили лишь к его объединению против России. В отличие от Г. Я. Ковальской, В. Емельяненко (1992) резюмировал, что осенью 1992 года в Чеченской республике явно доминировали идеи полной государственной независимости и практически отсутствовали влиятельные политические группы, выступавшие за автономию в составе РФ или подписание Федеративного договора.

В связи с этим корреспондент «Московских новостей» однозначно осуждал любые репрессивные действия властей против чеченцев на территории России, так как они приводили к зеркальному ответу и, как следствие этого, бегству русскоязычных жителей республики и падению престижа Центра, а также укрепляли позиции пресловутой «чеченской мафии» в экономике страны. В качестве вывода В. Емельяненко (1992) утверждал, что Москва должна будет забыть о разногласиях, пойти на уступки и фактически стать союзником дудаевского режима, который также готов пойти на диалог с Россией. В подтверждение журналист приводил слова председателя парламента Чечни Х. С. Ахмадова, который полагал «формулой суверенитета» Чечни сохранение прозрачных границ с Россией и горизонтальных отношений во всех сферах жизни, без вассально-вертикальной подчинённости (Емельяненко, 1992). Подобную точку зрения в целом разделял ещё один известный столичный

журналист и политик А. А. Черкизов (1996, с. 93, 95), в дневнике которого содержалось осуждение российских властей за ввод войск в Ингушетию, а также предположение о возможном конфликте с дудаевским режимом, чьим союзником могут стать другие народы Северного Кавказа.

Другую позицию по вопросу взаимоотношений федерального Центра и непризнанной Чеченской республики высказывали российские военные эксперты. Так, по мнению известного военного журналиста П. Е. Фельгенгауэра (1992), у России было лишь два варианта осуществления политики на Северном Кавказе. Первый из них предполагал временное отступление Центра из национальных республик и создание укреплённой границы с ними по рекам Кубань и Терек, что напоминало опыт знаменитых казачьих линий эпохи Кавказской войны XVIII-XIX вв. В таком случае, полагал столичный эксперт, Россия может попытаться создать «санитарный кордон» на границе, а автохтонные народы региона будут предоставлены сами себе. В подобном случае вероятные межэтнические распри стали бы неизбежными. Однако, исходя из того, что в 1991-1992 гг. силовые структуры РФ не смогли наладить надёжный контроль даже на границах с маленькой Чечнёй, Фельгенгауэр (1992) всё же считал указанный вариант развития событий слабо осуществимым и даже опасным в силу вероятного потока беженцев. Последний, по его мнению, мог быть настолько сильным, что дестабилизировал бы не только южные, но и центральные регионы страны (Фельгенгауэр, 1992). Сам же Северный Кавказ из-за бедности, избытка трудоспособного населения и разрыва многолетних экономических связей с Россией мог бы на длительный срок превратиться в «источник оружия и наркотиков, в надёжное убежище для преступников и террористов» (Фельгенгауэр, 1992). Такого развития событий федеральные власти явно не желали допустить.

В силу этого более реалистичным, с точки зрения столичного журналиста, представлялся второй вариант осуществления политики Центра на Кавказе. Согласно ему, новая Россия оставалась бы в регионе в качестве «гаранта мира и законности», что неизбежно привело бы к регулярному вмешательству федеральных сил и органов правопорядка во внутренние дела национальных республик (Фельгенгауэр, 1992), поражённых социально-экономической и политической нестабильностью. Примером тому могло служить решительное поведение руководства РФ во время активной фазы осетино-ингушского конфликта (31 октября – 4 ноября 1992 года), когда вооружённое нападение ингушских отрядов на Северную Осетию было пресечено при помощи федеральных войск.

В качестве явной опасности для страны на пути реализации второго сценария П. Е. Фельгенгауэр (1992) видел смутную угрозу новой Кавказской войны, под которой легко угадывалось противостояние с мятежной дудаевской Чечнёй. За год после неудачной попытки российского Центра ввести режим чрезвычайного положения, как подметил журналист «Независимой газеты», отряды сепаратистов заметно усилились с точки зрения военной организации и завладели тяжёлым вооружением, включая устаревшие чехословацкие учебные самолёты (Фельгенгауэр, 1992). Источники получения упомянутого и ряда других видов вооружений автор статьи не упоминал, хотя многочисленные факты как расхищения имущества военных городков в Грозном, так и централизованной передачи сепаратистам оружия и боеприпасов бывшей Советской Армии со стороны руководства Министерства обороны РФ были общеизвестны даже из открытых ресурсов. Заметим, что сильное беспокойство по поводу военных запасов дудаевской Чечни в начале 1990-х гг. выражали не только эксперты, но и командующий внутренними войсками МВД РФ генерал-лейтенант (позднее – генерал армии) А. С. Куликов (2002, с. 218). Однако и он не отрицал важности политического диалога с Д. М. Дудаевым (Куликов, 2002, с. 110).

В то же время П. Е. Фельгенгауэр (1992) заметил, что причиной неудачи российского Центра в наведении порядка в Чечено-Ингушетии поздней осенью 1991 года стало отсутствие у него эффективной военной силы. Вооружённые силы СССР подчинялись советскому президенту М. С. Горбачёву – давнему политическому антагонисту Б. Н. Ельцина – и потому строго соблюдали нейтралитет в споре Москвы и Грозного. В силу этого выполнение боевой задачи по реализации указа о ЧП в Чечено-Ингушетии было возложено на силы МВД РФ, которые тоже не проявили энтузиазма в трудной ситуации. Однако, как полагал столичный военный эксперт, за год военные возможности федерального Центра тоже заметно выросли, так как у новой России появилась собственная армия, способная поддерживать правопорядок на Северном Кавказе. В силу этого подразделения Внутренних войск МВД в любой момент могли получить поддержку со стороны Воздушно-десантных войск и Военно-воздушных сил РФ – наиболее боеспособных частей Вооружённых сил РФ (Фельгенгауэр, 1992).

В заключение журналист охарактеризовал Северный Кавказ как «сферу жизненно важных российских интересов», что означало необходимость наведения конституционного порядка и законности на его территории. Для этого могли потребоваться совместные серьёзные усилия политиков, дипломатов и военных. Решение подобной задачи, как считал П. Е. Фельгенгауэр (1992), не являлось недостижимым для Российского государства, поскольку в период знаменитой Кавказской войны XIX века горцы сами изготавливали оружие и боеприпасы к нему. В то же время региональные войны второй половины XX века (Вьетнам, Афганистан) показали, что победить численно превосходящего противника даже хорошо организованные и идейно мотивированные партизаны могут лишь при заметной военной поддержке извне, но в силу географических особенностей Северо-Кавказского региона получение подобной помощи от других стран мира для чеченцев было бы затруднительным (Фельгенгауэр, 1992).

В аналитической публикации другого военного эксперта того же издания Е. Крутикова (1992) также содержалось утверждение о том, что главная задача федерального Центра на Кавказе – это поддержание стабильности в национальных республиках, то есть власти их действующих руководителей. В связи с этим основной угрозой для Москвы, по мнению журналиста, были местные оппозиционные группы, за которыми стояла мятежная Чечня (Крутиков, 1992). Осенью 1992 года, после выхода к её границам, Россия получала возможность сосредоточить мощную военную группировку для того, чтобы в любой момент нанести прямой

удар по сепаратистам или, по крайней мере, резко ослабить их позиции (Крутиков, 1992). Тем не менее автор статьи не высказывал идею о силовом решении чеченского вопроса.

Как уже говорилось выше, в российском обществе начала 1990-х гг. были достаточно крепки позиции оппозиционных партий в лице националистов и коммунистов, которые резко критиковали российское руководство за радикальные рыночные преобразования в экономике и сотрудничество с США и НАТО во внешней политике (Осьмачко, 2003, с. 179). Объектом критики с их стороны было даже отсутствие в России начала 1990-х гг. военного парада по случаю Дня Победы (Тумаков, 2025, с. 45-47). Однако в чеченском вопросе осенью 1992 года представители российской оппозиции заняли достаточно умеренную позицию и не критиковали Кремль. Заметим, что на страницах левых «Правды» и «Советской России» в ноябре-декабре 1992 года не было ни аналитических статей, ни фронтовых репортажей на соответствующую проблематику. Эти газеты ограничились перепечаткой сообщений ИТАР-ТАСС.

В то же время политический обозреватель консервативного издания «Литературная Россия», также выступавшего против политики российского руководства, военный журналист и писатель А. С. Борзенко (1992) в статье «Кавказский узел» высказал мнение о том, что «противостояние российских и чеченских войск» на границе самопровозглашённой республики вполне могло привести к настоящей войне на Северном Кавказе. Журналист процитировал утверждение председателя парламента Чеченской республики Х. С. Ахмадова, который в эфире телевизионной передачи «Красный квадрат» на 1-м канале «Останкино» рассуждал о священной войне против неверных и жаловался на блокаду Чечни со стороны федеральных властей. По мнению А. С. Борзенко (1992), в сложившейся обстановке Россия имела право не только создать укреплённую границу с мятежной Чечнёй, но и ввести жёсткий пограничный контроль и экономические санкции против неё. Автор статьи напомнил читателям, что Чечня в 1991 году в одностороннем порядке вышла из состава страны и спешно создала национальную армию, но продолжала использовать российский рубль и оставалась составной частью РФ в экономическом отношении. К тому же получить международное признание и стать государством – членом ООН самопровозглашённая Чеченская республика также не смогла (Борзенко, 1992).

Хотя в статье А. С. Борзенко (1992) содержалось определённое опасение, что в ближайшем будущем дудаевская Чечня может стать «региональной сверхдержавой», доминирующей на территории Кавказского региона, а создание Горской республики со столицей в Грозном тоже не казалось автору чем-то невозможным, он всё же призывал к политическому диалогу сторон, а не к силовому решению проблемы. По мнению журналиста-оппозиционера, «разжигание чечено-российского конфликта» могло быть выгодно только неким политическим радикалам в Москве и Грозном, желавшим в обстановке военного хаоса прийти к власти и уничтожить демократию (Борзенко, 1992). Для урегулирования отношений федерального Центра и мятежной Чечни Борзенко (1992) предложил обоим президентам встретиться в Москве для проведения переговоров. Нетрудно заметить, что в упомянутой публикации Чечня во многом характеризовалась уже не как один из российских национальных регионов, а как de facto независимое, хотя и не признанное de jure государство. Не ставились под сомнения и президентские полномочия Д. М. Дудаева.

Интересно, что восприятие Чеченской республики как важной региональной силы в скором будущем было в то время присуще и некоторым противникам российского присутствия на Северном Кавказе. К примеру, в статье ингушского политолога Р. Чабиева, вышедшей в газете «Сердало» («Свет») за 28 апреля 1993 года, содержалось утверждение о том, что все национальные республики региона должны получить независимость, а их русскоязычное население в дальней перспективе должно эмигрировать в Россию (Боков, Чабиев, 1993, с. 47). Аналогичные заявления на протяжении 1992 года неоднократно фиксировались в чеченских СМИ, а также в заявлениях официальных лиц режима сепаратистов (Тумаков, 2024, с. 146-147).

Хотя Р. Чабиев (Боков, Чабиев, 1993, с. 47) посетовал на невмешательство сил официального Грозного в осетино-ингушский конфликт, в целом дудаевская Чечня виделась ему в роли будущего регионального лидера, что совпадало с представлением некоторых влиятельных лидеров сепаратистов (Блоцкий, 1996). О высоком авторитете генерала Д. М. Дудаева в регионе свидетельствовал факт обращения к нему с просьбой о помощи Абхазии в отражении агрессии Грузии со стороны президента Международной черкесской ассоциации Ю. Х. Калмыкова в августе 1992 года (Кушхабиев, 2023, с. 108). Следует добавить к этому, что один из ингушских религиозных лидеров имам А-Х. Поштов во время поездки по Средней Азии в конце того же года сделал заявление о том, что применение Центром военной силы при наведении порядка в Пригородном районе Северной Осетии – это назидание всем национальным республикам, а финалом этого процесса якобы «должна быть расправа над Чечнёй» (Ингушский муфтий…, 1992), то есть именно Чечня в начале 1990-х гг. выглядела главным очагом сепаратизма в стране. В этом аспекте точка зрения российских официальных и неформальных групп в целом совпадала.

Антивоенные мотивы звучали и в публикации из Чечни специальных корреспондентов «Литературной России» Г. Пятова и Н. Соловьёва (1992). Журналисты в целом негативно оценивали положение дел в республике после её фактического отделения от СССР и России, упоминая об автоматной стрельбе из свадебных кортежей, активной торговле современным стрелковым вооружением на местном рынке или о вооружённых водителях роскошных иномарок без номеров в центре Грозного (Пятов, Соловьёв, 1992). Они выражали скепсис и по вопросу о боевых возможностях дудаевского режима, поскольку опрошенные ими на улицах жители чеченской столицы уверяли, что республика фактически не располагает собственной армией («в армии кроме генералов должны быть и рядовые!») и вовсе не хочет войны с Россией (Пятов, Соловьёв, 1992). Сопровождавший делегацию

представителей федеральной печати местный житель Н. Домбаев даже полагал, что из-за анархии, царившей в Чечне, дудаевцы не будут пытаться вмешиваться во внутренние дела её ближайших соседей (Пятов, Соловьёв, 1992). В то же время сам генерал-президент представал на страницах «Литературной России» как «прямой, честный и искренний человек», который желал счастья собственной республике, а потому вызвал у журналистов оппозиционной газеты «невольную симпатию» (Пятов, Соловьёв, 1992).

Они также отмечали противоречивость лидера чеченских сепаратистов, который отказывался подписывать с Центром Федеративный договор от 31 марта 1992 года, но при этом регулярно подчёркивал стремление иметь с Россией единое оборонное и экономическое пространство, а в интервью сожалел о распаде Советского Союза и даже изъявлял готовность оказать весомую поддержку его возрождению. Д. М. Дудаев высказывал желание содействовать возвращению в большую политику экс-президента СССР М. С. Горбачёва, а также принять в Грозном экс-генерального секретаря Центрального комитета Социалистической единой партии Германии Э. Хонеккера, предоставил убежище первому президенту независимой Грузии З. К. Гамсахурдиа и даже обещал аналогично поступить с российскими лидерами в случае их свержения (Пятов, Соловьёв, 1992). Подобные заявления могли как отражать эклектичность политических взглядов чеченского руководителя, так и представлять собой специально продуманную стратегию популизма, которую он умело транслировал через федеральные СМИ.

Отметим, что и в статье бывшего советского диссидента-националиста А. М. Иванова (1992), опубликованной в оппозиционной газете «Русский вестник» вскоре после посещения автором мятежной республики, также отрицался военный способ решения чеченской проблемы. А. М. Иванов сурово критиковал массовый отъезд русскоязычного населения Чечни, для чего скрупулёзно перечислял ряд резонансных преступлений чеченцев на авиа- и железнодорожном транспорте и решительно осудил призывы лидеров сепаратистов Д. М. Дудаева и М. С. Удугова к совершению терактов против России, заметив, что подобные высказывания не добавят сочувствия к Чечне в обществе. Он призвал российские власти признать независимость республики, после чего вести борьбу с чеченской мафией и одновременно поддерживать дружеские отношения с трудолюбивым чеченским народом. В подтверждение своих слов он писал, что осенью 1992 года «мы проехали по Чечне сотни километров и повсюду видели, как люди трудятся на полях, пасут скот, заготавливают корма и дрова на зиму, строят дома» (Иванов, 1992). А. М. Иванов отрицал наличие ненависти к русским со стороны большей части чеченцев и положительно реагировал на призыв Д. М. Дудаева к дружбе между двумя народами.

Осенью 1992 года, после выхода передовых частей российской армии к границам Чечни, в Грозном и в ряде других населённых пунктов на территории непризнанной республики прошли митинги в поддержку её независимости (Ракуль, 1992). Продолжалась мобилизация резервистов. Вечером 10 ноября 1992 года глава непризнанной республики подписал указ о введении режима чрезвычайного положения на всей территории Чечни. В частности, в республике вводились комендантский час с 22:00 до 6:00, особый режим въезда и выезда, предварительная цензура в СМИ, а также были запрещены все несанкционированные собрания, митинги и прочие массовые мероприятия (Установлена временная граница…, 1992; Музаев, 1992b). Одновременно лидер сепаратистского режима издал приказ о создании в Чечне единой мобилизационной системы обороны, в которую было включено всё мужское население республики в возрасте от 15 до 55 лет, независимо от национальной принадлежности, вероисповедания и гражданства (Установлена временная граница…, 1992; Музаев, 1992b). Всеобщей мобилизации подлежали также женщины в возрасте от 20 до 40 лет (Емельяненко, 1992). Эти шаги Д. М. Дудаева были очень похожи на те, что были им предприняты при попытке российских властей ввести режим чрезвычайного положения в Чечено-Ингушетии в 1991 году (Плохий, 2016, с. 315, 318, 320).

Выступая на собрании руководителей городов и районов, а также работников силовых структур Чечни, генерал-президент заявил о милитаризации всей республиканской системы власти. Из его речи следовало, что самопровозглашённая Чеченская республика должна была быть разделена на «мобилизационные бригады», соответствовавшие тем или иным городам и районам, а проживавшие там мужчины отныне считались военнослужащими данных бригад. Их командирами Д. М. Дудаев планировал назначить мэров городов или районных префектов, начальниками штаба – городских или районных военных комиссаров, начальниками особых отделов – глав местных отделений Службы национальной безопасности Чечни, должности военных прокуроров предназначались прокурорам городов и районов, а председателями Военных трибуналов должны были стать местные судьи (Музаев, 1992b). Для отсева должностных лиц, неспособных быть военными лидерами, создавалась Государственная аттестационная комиссия из военных, представителей спецслужб, а также ректора Исламского института. Во главе её находился советник президента Чечни по обороне и безопасности, генерал-лейтенант У. А. Алсултанов (Музаев, 1992b).

Весьма показательной была и воинственная риторика как высших лидеров, так и других представителей сепаратистского режима в Грозном. Они считали, что, вводя войска в Ингушетию, Москва бросает им вызов, и выражали готовность принять его. Так, комментируя происходящие на Северном Кавказе события, генерал-президент Д. М. Дудаев утверждал: «Игры заканчиваются… Нам навязывают войну без правил, и мы вправе отвечать тем же» (Музаев, 1992b). В выступлении по местному телевидению он призвал всё население «подняться на защиту независимости Чечни» (Установлена временная граница…, 1992) и «силой выдворить российские войска за пределы республики» (В последний час…, 1992). Командир женского батальона Р. С. Абдулаева также считала: «У нас (чеченцев. – *Д. Т.*) нет другого выхода. Мы спасём свою независимость, если встанем на её защиту все до одного» (Емельяненко, 1992). Весьма радикальную позицию в интервью столичному изданию «Мегаполис-Экспресс» высказал и молодой полевой командир Ш. С. Басаев, к тому времени

получивший значительный боевой опыт в Нагорном Карабахе и Абхазии и уже совершивший первые теракты (угон самолёта в Турцию и захват автобуса). Он полагал, что воюет «за идею свободы» для своего народа и потому не боится смерти в бою. При этом Басаев не видел моральных преград для совершения терактов в российском тылу, поскольку терроризм – это «последнее средство слабых» (Дементьева, 1992). Как известно, будущие военные кампании 1994-1996 гг. и 1999-2009 гг. на Северном Кавказе продемонстрировали, что слова полевого командира не расходились с делом.

Показательно, что в те дни дудаевский режим действительно получил заметную поддержку от многих политических групп Чечни. Так, председатель парламента Чеченской Республики Х. С. Ахмадов охарактеризовал себя как сторонника политического урегулирования кризиса во взаимоотношениях с Россией, но одновременно заявил, что по принципиальным вопросам защиты безопасности и суверенитета Чеченской республики его позиция полностью совпадает с мнением президента Д. М. Дудаева (Пачегина, 1992). Чеченский парламент открыто обвинил Россию в агрессии: в его заявлении Сунженский и часть Малгобекского района Ингушетии, куда 10 ноября вошли федеральные силы, были названы «исконными чеченскими землями» (Установлена временная граница…, 1992; В последний час…, 1992). Тем не менее чеченские депутаты были настроены более миролюбиво, чем президент. В эфире грозненского телевидения заместитель председателя парламента М. А. Гушакаев от имени коллег не только призвал российских военных покинуть территорию Чечни, но и обратился к собственному народу с просьбой не вступать в стычки с армией (Установлена временная граница…, 1992).

На компромисс были готовы пойти и другие оппоненты властей. 14 ноября 1992 года одна из главных оппозиционных сил Чечни, движение «Даймохк» («Родина»), выступило в поддержку политического курса президента в критической ситуации. Более того, на чрезвычайном заседании чеченского парламента заместитель председателя «Даймохка», бывший кооператор и банкир С. А. Медуев, заявил о готовности движения оказать помощь официальным структурам в формировании системы обороны республики и создании добровольческого батальона. Данная партия, а также Союз гражданского согласия договорились с депутатами о координации действий через участие оппозиционеров в парламентской деятельности (Музаев, 1992b). Как сообщали государственное информационное агентство ИТАР-ТАСС и прокоммунистическое издание «Советская Россия», в заседании активно участвовали представители исполкома ОКЧН, Вайнахской демократической партии и ряда других общественно-политических движений Чечни (На грани срыва, 1992).

Однако за последний месяц 1992 года в некоторых центральных масс-медиа были опубликованы статьи и заметки, словно призванные продемонстрировать стремление как представителей власти, так и широкой общественности Чечни к миру и конструктивному диалогу с Россией. Например, в начале зимы в Москву с целью обращения к делегатам VII съезда народных депутатов России (1-14 декабря 1992 года) прибыли старейшины, представители высшего духовенства и общественных организаций республики, включая М. Далкаева – потомка легендарного проповедника, первого имама Северного Кавказа Шейха Мансура (Ушурмы). После коллективной молитвы на Васильевском спуске чеченская делегация дала интервью столичной прессе, в ходе которого высказала уверенность, что некоторые действия Центра (экономическая блокада Чечни и ввод войск в Ингушетию) могут «спровоцировать вторую Кавказскую войну, в которой не будет победителей» (Хальзова, 1992). Один из делегатов, директор Института имени Шейха Мансура Х. Латаев, заверил прессу в том, что в Грозном складывается спокойная обстановка, а чеченский народ не хочет войны с Россией, поэтому обращается к Богу с просьбой о мире на Северном Кавказе (Хальзова, 1992).

Отдельные публикации, вышедшие в российских масс-медиа примерно в это же время, пытались представить режим сепаратистов в качестве надёжного партнёра. В частности, информация в газете «Гудок» сообщала, что руководство Северо-Кавказской железной дороги достигло соглашения с Д. М. Дудаевым о совместном сопровождении железнодорожных грузов на территории республики силами спецподразделений полиции Чечни и российской военизированной охраны. Примечательно, что генерал-президент даже санкционировал применение охраной табельного оружия при возможном нападении жителей республики на составы (Бастрыкин, 1992). Позднее, как проинформировало правительственное издание «Российские вести», заместитель председателя Совета глав местных администраций республики В. Дацаев призвал создать фонд поддержки русскоязычного населения, страдавшего от экономической блокады республики, и лично перечислил в качестве первичного взноса 200 тысяч рублей. Его начинание поддержали деловые круги республики (Соболев, 1992).

Тем не менее оба упомянутых соглашения не привели к позитивным конечным результатам. Напротив, криминогенная ситуация и межнациональные отношения в непризнанной республике стремительно ухудшались. Как сообщала официальная статистика, в общей сложности в 1992-1994 гг. в Чечне при вооружённых грабежах железнодорожных составов погибли 26 железнодорожников (Россия и СССР в войнах…, 2001, с. 578), а количество русскоязычных жителей республики за 1990-1995 гг. сократилось с 450 тысяч до 110 тысяч человек (Рунов, 2010, с. 42).

Заключение

Анализ типичных по содержанию статей российской периодической печати поздней осени и начала зимы 1992 года показывает, что в условиях противостояния российских войск и отрядов чеченских сепаратистов на административной границе самопровозглашённой республики начало военных действий между ними в скором будущем казалось центральным СМИ вполне реальным. В силу этого дудаевская Чечня пользовалась

неподдельным вниманием российских журналистов, писавших на такие важные темы, как общественно-политические настроения населения республики, военные приготовления её руководства или попытки диалога с Москвой, а также ситуация на самой линии противостояния федеральных сил и дудаевских боевиков.

Позиция авторов газетных и журнальных публикаций по чеченскому вопросу была неоднозначной. В частности, столичные военные эксперты считали, что усиление российской военной составляющей на Северном Кавказе в целом и у административных границ Чечни в частности позволит Центру вести будущий диалог с мятежным Грозным с позиции силы. В то же время политические обозреватели полагали, что Москва должна воздерживаться от любых силовых решений на Северном Кавказе, так как подобные действия ослабляют позиции России в регионе, зато неизменно идут на пользу сепаратистам, которые используют конфронтацию с Центром для сплочения чеченцев. Касательно внутричеченской ситуации позиция масс-медиа также была неоднозначной и предполагала то контакты Кремля с чеченской демократической оппозицией, то его вынужденный союз с дудаевским режимом.

Общим для практически всех столичных СМИ того времени, независимо от их партийно-политических пристрастий, было стремление избежать силовой конфронтации с мятежной Чеченской республикой. Серьёзных отличий между публикациями в проправительственной и оппозиционной периодике нами не было выявлено. Причиной миролюбивого настроя центральной прессы стало опасение возникновения в регионе крупного военного конфликта, который она сравнивала с Кавказской войной XIX века. Во многом тот же подход будет свойственен центральным СМИ и во время военных действий в Чеченской Республике в 1994-1996 гг.

Перспективы дальнейшего изучения указанной проблемы заключаются в более глубоком исследовании различных аспектов взаимоотношений федерального Центра и Чеченской Республики в начале 1990-х гг. Материалами для этого могут послужить как опубликованные (источники личного происхождения, периодика), так и неопубликованные (документы центральных и местных архивов по мере их рассекречивания) источники.

Материалы исследования | Research materials

1. Бастрыкин Н. На магистралях Содружества. Северо-Кавказская // Гудок. 1992. 22 декабря.
2. Блоцкий О. Террористы проникают в Россию за деньги. Шамиль Басаев готовился к войне с 1991 года // Независимая газета. 1996. 12 марта.
3. Боков Ф. П., Чабиев Р. Яд криминала. М.: Инсан, 1993.
4. Борзенко А. Кавказский узел // Литературная Россия. 1992. 20 ноября.
5. В последний час… // Правда. 1992. 14 ноября.
6. Дементьева М. Шамиль Басаев: «Я борюсь за то, чтобы народы сами решали свою судьбу» // Мегаполис-Экспресс. 1992. 18 ноября.
7. Емельяненко В. Мы так не любили друг друга. Российские войска вышли к границам Чечни – и это оказалось спасением для режима генерала Дудаева // Московские новости. 1992. 22 ноября.
8. Збаровский К. Русское зарубежье в Санкт-Петербурге. Должен быть создан банк данных на отъезжающих учёных // Коммерсант. 1992. 28 ноября.
9. Иванов А. Вид на Россию из Чечни // Русский вестник. 1992. № 41-44.
10. Игнатов В. Россия: единая или делимая? // Московская правда. 1992. 21 ноября.
11. Ингушский муфтий многое знает // Мегаполис-Экспресс. 1992. 2 декабря.
12. Ковальская Г. В поисках утраченного врага. Конфронтация с Россией помогает Дудаеву удерживаться у власти // Новое время. 1992. № 47.
13. Кожокин Е. Кавказский конфликт: вход и выход // Новое время. 1992. № 51.
14. Крутиков Е. Россия будет сохранять видимый нейтралитет в осетино-ингушском конфликте до тех пор, пока и осетины, и ингуши сохраняют пророссийскую ориентацию // Независимая газета. 1992. 25 ноября.
15. Куликов А. С. Тяжёлые звёзды. М.: Война и мир букс, 2002.
16. Музаев Т. Войны пока не будет. Политические силы Чечни консолидировались вокруг президента Дудаева // Независимая газета. 1992a. 21 ноября.
17. Музаев Т. Чечня под ружьём. Всё мужское население включено в единую систему обороны // Независимая газета. 1992b. 17 ноября.
18. На грани срыва // Советская Россия. 1992. 17 ноября.
19. Опасность остаётся // Гудок. 1992. 4 ноября.
20. Пачегина Н. У президента потребовали водку и коньяк. Российские войска не спешат с отходом от границ Чечни // Независимая газета. 1992. 17 ноября.
21. Пятов Г., Соловьёв Н. Обыкновенный газават // Литературная Россия. 1992. 13 ноября.
22. Ракуль А. День защиты независимости Чечении. Чечня защищает свой суверенитет // Коммерсант. 1992. 10 ноября.
23. Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
24. Соболев Г. Русские в горячих точках. Как живут наши соотечественники в регионах, которые затронула война // Российские вести. 1992. 30 декабря.
25. Уральцева О. Россия – Чечня: партия отложена, доигрывание впереди // Мегаполис-Экспресс. 1992. 25 ноября.
26. Установлена временная граница между Чечнёй и Ингушетией // Известия. 1992. 12 ноября.

27. Фельгенгауэр П. Мы вступаем в Кавказскую войну? Либо Россия будет контролировать Кавказ, либо Кавказ – Россию // Независимая газета. 1992. 7 ноября.
28. Фомичёва Л. Анатолий Собчак: «Нужна Конституция на века» // Российские вести. 1992. 5 ноября.
29. Хальзова Г. Послы из Грозного // Московская правда. 1992. 3 декабря.
30. Черкизов А. А. Хронограф. Живая летопись московского муравья. Путеводители по пяти годам жизни страны. М.: Март, 1996.

Источники | References

1. Кищенков М. С., Тумаков Д. В. Национальный вопрос в идеологии и программах национал-патриотических партий России в первой половине 1990-х гг. // Манускрипт. 2024. Т. 17. Вып. 4.
2. Кушхабиев А. В. Миротворческая деятельность Международной черкесской ассоциации по урегулированию военных конфликтов в Республике Абхазия и Чеченской Республике в конце XX века // Кавказология. 2023. № 2.
3. Ляховский А. А. Зачарованные свободой: Тайны кавказских войн: Информация. Анализ. Выводы. М.: Детектив-Пресс, 2006.
4. Осьмачко С. Г. Политическое и социально-экономическое развитие СССР, Российской Федерации (1985-1999 гг.): монография. Ярославль: Изд-во Ярославского государственного технического университета, 2003.
5. Плохий С. Последняя империя. Падение Советского Союза. М.: АСТ; Corpus, 2016.
6. Рунов В. А. Чистилище Чеченской войны. М.: Эксмо; Яуза, 2010.
7. Тризман Д. История России. От Горбачёва до Путина и Медведева. М.: Эксмо, 2012.
8. Тумаков Д. В. Горячая точка новой России: чеченский кризис 1991-1996 гг. в оценках российского общества. Ярославль: Аверс Плюс, 2017.
9. Тумаков Д. В. Празднование Дня Победы в России в начале 1990-х гг. (по материалам центральной прессы) // Центр и периферия. 2025. № 2.
10. Тумаков Д. В. Чеченская Республика в 1992 году (по материалам федеральной печати) // Кавказология. 2024. № 4.
11. Цыганок А. Д. Военные под Российским флагом: русский взгляд. 1991-1993. М.: АИРО-XXI, 2012.

Информация об авторах | Author information

RU

Тумаков Денис Васильевич[1], к. ист. н., доц.
[1] Ярославский государственный медицинский университет;
Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

EN

Denis Vasylievich Tumakov[1], PhD
[1] Yaroslavl State Medical University;
Yaroslavl State University named after P. G. Demidov

[1] *denistumakov@yandex.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.12.2025; опубликовано online (published online): 29.12.2025.

Ключевые слова (keywords): проправительственные средства массовой информации; противостояние российских войск и чеченских боевиков на границе; экспертные оценки чеченского кризиса; оппозиционная пресса начала 1990-х гг; поиск консенсуса между Москвой и Грозным; pro-government media outlets; confrontation between Russian troops and Chechen militants on the border; expert assessments of the Chechen crisis; opposition press of the early 1990s; search for consensus between Moscow and Grozny.